

Томас Лангерак

Понятие универсалии прежде всего принадлежит области философии. В философии универсалиями называются свойства или отношения, присущие множеству разных вещей. Так, все желтые предметы имеют общее свойство “желтизна”. О сущности универсалий уже спорили древние философы: существуют ли они отдельно – *ante rem* –, или только в них – *in re*. В языкознании универсалия – одно из важнейших понятий типологии; под ним подразумевается свойство, присущее всем или подавляющему большинству естественных языков. Лингвисты различают *статистические универсалии* (тенденции), явления, встречающиеся почти во всех языках мира, и *фреквенталии*, явления, встречающиеся в языках достаточно часто – с вероятностью, превышающей случайную.

Применение понятия универсалии в литературоведении – проблематично. В повествовательных текстах можно назвать универсалиями фабулу и сюжет, в поэзии – стих и ритм. Но если говорить о русской литературе в определенный период, то различать универсалии трудно. С середины XVIII века русская литература развивается параллельно с главными литературами Западной Европы. Все основные направления в литературах западной Европы – классицизм, сентиментализм, романтизм, реализм и т. д. – встречаются и в русской литературе. На самом деле, понятие универсалии в литературоведении скорее можно применить в исследовании литературных направлений и периодов европейской (или мировой) литературы, чем в исследовании одной национальной литературы в определенный период. При исследовании одной национальной литературы универсалиями могли бы быть типичные персонажи, отношения между такими персонажами, или метафоры, часто встречающиеся в определенный период. Так, универсалиями русской литературы XIX века могли бы быть персонаж «лишний человек», отношение дворянина к крестьянству или метафора “Россия – недоступная невеста”¹.

Мы поставили себе целью поиск универсалий русской литературы не в самих произведениях русской литературы определенного периода, а в рецензиях, статьях и литературных произведениях, написанных на нидерландском языке о русской литературе XIX – начала XX вв. Исследуя восприятие русской литературы, мы стараемся восстановить, чем в глазах прозаиков, поэтов и критиков, пишущих на нидерландском языке, русская литература отличается от других литератур, какие свойства голландские и фламандские литераторы считают характерными для русской литературы.

Восприятие русской литературы в Нидерландах и Фландрии мало исследовалось. Мы пользовались статьями К. Виллемсена.² Он вместе с Э. Вагемансом составил объемную библиографию русской литературы в переводе на нидерландский язык.³ После наполеоновских войн в Нидерландах интерес к России в Нидерландах, тем более, что сын первого короля Объединенного

Королевства Нидерландов, Вильгельма I, женился на сестре царя-победителя Александра I – Анне Павловне. По поводу визита Александра I в Нидерланды в 1814 году было написано несколько хвалебных стихотворений.⁴ В 1830 году состоялась бельгийская революция и в том же году Бельгия вышла из состава нидерландского королевства и с согласия Франции и Великобритании получила независимость. В Европе только Россия поддержала голландцев, но польское восстание 1830 года помешало Николаю I оказать действительную помощь Голландии. О популярности русского царя в Голландии свидетельствуют две песни, написанные по поводу подавления польского восстания русским царем.⁵ Несмотря на симпатию и интерес к России, в Голландии в период 1812-1860 было издано всего около десяти русских литературных произведений в переводе на нидерландский язык.

В конце 70-х – начале 80-х гг. интерес к русской литературе заметно возрос: в ведущих литературных журналах появляются обстоятельные статьи о русской литературе, с начала 80-х гг. издаётся все больше переводов. Из писателей серьезный интерес к русской литературе первым проявил Марселлюс Эмантс (1848-1923). В 1876 он познакомился в Париже с Тургеневым, а в 1880 г. он публикует большое эссе о его творчестве. В 1876 он в Париже познакомился с Тургеневым, а в 1880 г. он публикует большое эссе о его творчестве. Эмантс, основоположник натурализма в нидерландской литературе, видит в Тургеневе духовного брата и восхищается его пессимизмом и научностью. “В наше время наука развивается высокими темпами и поэтому искусство должно примириться с наукой, а то его будут презирать и осмеивать как нелепость. [...] Кто понимает, что для искусства, как для всего живого, остановка равносильна смерти, должен признать, что искусство в настоящее время может только шагать вперед, когда оно повысит научность, станет более серьезно искать истину и глубже исследовать ее суть.”⁶ Он заканчивает эссе словами: “Тургенев – один из самых гениальных, самых честных и самых опытных приверженцев науки.”⁷ Интересно его сравнение тургеневского романа “Накануне” с “Простой душой” Флобера. Говоря о портрете Елены, он замечает, что читатель “должен признать, что он под руководством провидца глубоко заглянул в человеческую душу. [...] Флобер в “Простой душе” тоже рисовал портрет — и больше ничего. Его упрекали в том, что он выбрал персонажа, с которым не стоит знакомиться. С Еленой очень стоит познакомиться, и все-таки, она не является героиней, с которой в жизни почти не встретиться.”⁸

Вслед за Францией, где под воздействием статей Эжена Мельхиора де Вогиюэ (Eugène-Melchior de Vogüé) о русских писателях, сильно возрос интерес к русской литературе, в Голландии и Фландрии русские писатели, особенно Достоевский и Толстой, также стали популярны. Были опубликованы новые переводы, обычно с немецкого или французского. Видный критик и писатель Конрад Бюскен Хюэт посвятил две большие статьи русским романистам. В первой из них он писал, что Россия не обратила на себя внимания ни философов, ни историками, ни учеными, но только своими романистами. Русские романы отличаются от большинства европейских романов “оригинальностью, свежестью”. “Русские писатели – не писаки, не фабриканты литературы, они – прирожденные поэты прозы [...]”⁹ А в специальной статье, посвященной Толстому, он писал о русских романистах как о “сочетающих

искусство и природу, глубокие познания и оригинальность, изящество и силу.”¹⁰ Они не только открывают новые панорамы, но в их описаниях переживаний русских душ также дают “ключ к тому, что нам казалось таинственным.” Выше всех он поставил Толстого, который имеет “гениальность Бальзака, изливает на свой сюжет поэзию Джордж Элиот, и владеет своей темой с таким же мастерством, как Теккерей.”¹¹ Во многих статьях конца 19-ого века русская литература противопоставляется западноевропейской. Русская литература является “глубокой”, “теплой”, “чувствительной”, она тоскует по высшему и лучшему, тогда как западноевропейская литература является “холодно-рассудительной”, “скованной”, она – основана на материализме и скептицизме.¹² Так, западный читатель ищет в русских романах тот мир, который на Западе из-за промышленной революции исчез.

В 80-ые годы самым популярным писателем был Л. Н. Толстой. По количеству изданий Достоевский стоял на втором месте – 5 книг. Но откликов на его творчество было мало. Ян тен Бринк, профессор литературы в лейденском университете, говоря о “Братьях Карамазовых”, называл братьев “полусумасшедшими, завидующими друг другу и лезущими друг другу в душу.”¹³

В конце 19-ого века популярность Толстого падает. В Голландии были последователи его учения, была даже коммуна, но они не были заинтересованы в его литературном творчестве.¹⁴ В десятилетия 20-ого века интерес к фигуре и творчеству Достоевского, напротив быстро возрастал, а в двадцатые годы его популярность перешла в настоящий культ. Примером почитания Достоевского могут служить статьи драматурга и критика Дирка Костера (Dirk Coster, 1887-1956). В 1920 г. он основал журнал “De stem” (Голос), который должен был стать платформой эстетического гуманизма. В первом номере, в декларации «От редакции» мы читаем: “[...] мудрость должна стать красотой, когда стремление к красоте является глубоким и сильным, она неизбежно ведет человека к живой мудрости. Достоевский в России [...] уже дал пример такого синтеза.” А в конце статьи: “Великое имя Достоевского мы написали с глубоким почтением над нашим журналом, он показал нам путь! Он дал нам пример, каким могут быть человек и искусство в двадцатом веке!”¹⁵

Итак, для большинства критиков русская литература второй половины 19-ого века отличается от европейской тем, что она сочетает противоположные начала: реализм и идеализм, рационализм и мистику. Западный читатель нашел в русской литературе то, что в его литературе отсутствовало: этику. По словам Н. Ван Вейка, первого профессора славистики в Голландии: “[...] мы знаем одно: как только русская литература показала Европе этические основы души народа, многие европейцы с чувством тоски обнаружили, что там, на Востоке во всей своей красе уцелело то драгоценное добро, все меньше занимающее на Западе человеческий дух, но долженствующее быть главным элементом всякой культуры.”¹⁶ Во многих статьях подчеркивается экзотичность и таинственность русского народа, которые открываются европейским читателям в русских романах.

В поэзии на нидерландском языке начала 20-ого века мы нашли два

стихотворения на русскую тему – “Словоджаз по-русски” (Woord-jazz op Russies Gegeven) фламандского поэта-экспрессиониста Поля Ван Остайена (1896-1928) и “Свирель” (De schalmei) нидерландского романтического поэта Яна Слауэрхофа (1898-1936).

СВИРЕЛЬ

У матери было семь сыновей:
Каждого звали Петром,
Кроме Ваньки, которого звали Иваном.

Все умели работать:
первый был козопасом,
плёл другой лапти,
третий мог строить церкви.
А Иван, которого звали Ванькой,
совсем не хотел работать.

На солнышке сев на камень,
играл на своей свирели.

«Ты, моя милая,
ты, моя резвая,
дай поиграть мне в тени.
Пусть другие работают
в тихой долине,
делают лапти,
возводят церкви.

Ваньке хватит свирели.»¹⁷

Стихотворение опубликовано в книге стихов “Серенада” (Serenade 1930) под рубрикой “Для детей”. Слауэрхоф, который еще школьником заинтересовался Россией (три юношеских стихотворения посвящены русской революции), рисует в “Свирели” простой, тихий крестьянский мир, где все знают свое место. Только Иван-дурачок не занимается чем-то полезным, материальный мир его не интересует, он – музыкант. Тема экзотичности России здесь дается с некоторой иронией; так, в первой строфе, поэт смеется над трудными именами персонажей в русских романах, на которые жалуются все иностранные читатели. Образ русского мира вполне вписывается в романтический образ мира Слауэрхофа: Иван, как и лирический герой многих стихов поэта – посторонний человек.

СЛОВОДЖАЗ ПО-РУССКИ

Донские казѧки донские казѧки
Рогожин смех
 Рогожин нож
 Рогожин смех-нож
5 Волга _____ Волга
 слегка хлынуть кровью Филипповны
 устало-сытое дитя её сердце
 Смердяков смех смех смех
 Смердяков убивает смерть
10 Вдали
 там на хлебо-Украине
 хлебоморе-Украине
 на желанножелтизне лето-Украины
 пляшут пляшут казаки
15 пляшут гогольгномы
 гогольгномы гогольгномы веруя в себя самих
 Волга _____ Волга
 Степь шаги прошивают
 гогольгномы не плещут света
20 на Ивана
 Карамазова
 Рогожин смеёт лезвие бритвы
 смерть Филипповне
 Донские казаки Гогольгномы шагопрошитая степь
25 Урал в топазах
 падение персидской княжны
 в полноводную Волгу
 русского кабаре
 Балиев Балиев
30 Волга волга
 степи степи
 хлебоморе-Украина

 Н е т!

 Нет города сверх Петербурга!
35 где нож Рогожина лежит
 наготове наготове
 готовый

 Ночные шаги в последнее Отечество
 там гогольгномы еда на серебре
40 поминальная каша

Стихотворение опубликовано посмертно, оно датируется второй половиной 20-х годов. Ван Остайен в этот период экспериментировал с о стихотворениями в разных музыкальных ключах, напр. “Мелопея” (Melopee) в медленном ритме “Физический джаз” (Fiziese Jazz) и “Крестьянский чарльстон” (Boere-charleston) в ритме чарльстона, популярнейшего танца двадцатых годов. Поль Ван Остайен написал “Словоджаз по-русски” несомненно под влиянием джазовой импровизации. Стихотворение задумано как импровизация на две русские темы: город Достоевского и деревенская Украина Гоголя. В городе царят сумасшедшие (все они смеются) убийцы Смердяков и Рогожин; нож последнего ждет своей жертвы. На Украине пляшут донские казаки и “гогольгномы”, там солнце светит на летними полями. Но оно не в состоянии осветить мрачный мир (или помраченный ум) Ивана Карамазова. Две темы регулярно чередуются: ст. 2-9 — город, ст. 10-19 — Украина, ст. 20-23 — город, в ст. 24-29 совершается экскурс в мир русской эмиграции. Никита Балиев (1877-1936) был учредителем и директором театра-кабаре “Летучая мышь”, воссозданного в Париже вскоре после Первой мировой. Там, наверное, и пели известную песню о Стеньке Разине на слова Д. Н. Садовникова “Из-за острова на стрежень”, в которой рассказывается о том, как Стенька Разин бросил в Волгу персидскую княжну. (И он мощною рукою обнял персиянки стан / Ничего не пожалее буйну голову отдам [...] Мощным взмахом поднимает / Он красавицу княжну / И за борт ее бросает в набежавшую волну [...]). В ст. 30-32 и 34-37 соответственно автор возвращается к двум главным темам, которые противопоставляются однословной строкой “Нет!” А ст. 38-41 являются своего рода заключительным аккордом, в котором звучат основные темы стихотворения. “Поминальная каша” (rijstepap, буквально: рисовая каша), наверное, указывает на поминки, описанные в одном из романов Достоевского. Строки 5, 17 и 30 со словами “Волга — Волга” представляют из себя повторяющийся музыкальный мотив. Длинную линию в ст. 5 и 17 можно истолковать как своего рода фразировочную лигу. Оба стихотворения показывают, что “универсалии”, выделенные фламандскими и голландскими критиками в русской литературе конца 19-ого века, нашли свое отражение и в поэзии начала 20-ого века.

Гентский университет (Бельгия)

¹ См. Rutten E. Unattainable Bride Russia. Engendering Nation, State, and Intelligentsia in Russian Intellectual Culture. Evanston, IL: Northwestern University Press. 2009

² Willemsen Cees. De receptie van de Russische literatuur in Nederland: 1789-1989, een verkenning (I) // Tijdschrift voor Slavische literatuur 4 (apr. 1989), pp. 61-68. Ero же. De receptie van de Russische literatuur in Nederland: 1789-1989, een verkenning (II) // Tijdschrift voor Slavische literatuur 5 (aug. 1989), pp. 68-77.

³ Bibliografie van Russische literatuur in Nederlandse vertaling 1789-1985. Библиография русской литературы в нидерландском переводе 1789-1985. Waegemans Emmanuel, Willemsen Cees (Samenst.). Leuven: Universitaire Pers, 1991.

⁴ Напр.: Loosjes A. Pz. De schim van Czaar Peter aan Alexander den 1sten, Keizer aller Russen, bij dezelfde verblijf in Holland en te Zaandam : dichtstuk. Haarlem : A. Loosjes Pz 1814. [От тени царя Петра Александрову Первому, по поводу пребывания последнего в Голландии и Заандаме]. Arntzenius R.H. Alexander, keizer aller Russen : lierzang. Haarlem : A. Loosjes Pz. 1814. [Александр, император всея Руси : лирическая песнь.] Первая строфа чит. в кн.: Rusland in Nederlandse ogen. Een bundel opstellen. Amsterdam: G.A. van Oorschot, 1986, стр. 18.

⁵ de Thouars G.A.C.W. Triomflieder voor Z.M. den keizer aller Russen: na de ontbinding van het Poolsche leger. In muziek gebragt door J. van Boom. 's Gravenhage: Weygand, 1831 [Хвалебная песня Его Величеству царю всех Россиян после расформирования польской армии. Положил на музыку Й. ван Боом.]; van der Hoop Adriaan. Nikolaas, keizer aller Russen: lierzang. Rotterdam: Van den Bergh, 1831 [Николай, царь всех россиян: лирическая песнь.]

⁶ Emants Marcellus. Iwan Toergenev. Een analyse. // Emants Marcellus. Pro domo. Amsterdam : G.A. van Oorschot 1967, s. 4.

⁷ Там же, с. 47.

⁸ Там же, с. 18.

⁹ Busken Huet C. Litterarische Fantasien en Kritieken. 23. Haarlem: Tjeenk Willink [1886] p.48, 49.

¹⁰ там же, с. 164.

¹¹ там же, с. 49.

¹² Hooijer, H. Graaf Léo Tolstoi. // De Gids. 1886. deel 3, p. 1.

¹³ Цит. в Romein J.M. Dostojewskij in de westersche kritiek. Haarlem: Tjeenk Willink 1924. P. 17.

¹⁴ См. Jans Rudolf. Tolstoj in Nederland. Bussum: Paul Brand 1952. P. 99-108.

¹⁵ Coster Dirk. Brief aan de medewerkers van "De stem" // De stem 1 (jan. 1921. P. 2-6.

¹⁶ Van Wijk N. Hoofdmomenten der Russische letterkunde. Poeshkin, Gogolj, Tolstoj, Dostojewskij. Zeist: Ploegsma 1919. P. 166

¹⁷ Неопубликованный перевод Алексея Юдина.

¹⁸ Неопубликованный перевод Алексея Юдина.